

PIOTR CZERWIŃSKI

Uniwersytet Śląski

ORCID 0000-0001-6575-5736

Семантика возвышения в еврейской традиции и представлениях в русской ментальности (2)

Semantyka wyniesienia w tradycji żydowskiej i jego odzwierciedlenie w rosyjskiej mentalności (2)

Streszczenie: Drugą część artykułu stanowi model dziesięciu stopni-etapów wyniesienia rosyjskiej tradycji na podstawie tekstów magicznych bajek (motywy o Iwanie carewiczu) oraz model zdobycia władzy wyższej na podstawie powszechnie przyjętej wiedzy o Rusi Moskiewskiej i Imperium Rosyjskim. Dokonuje się porównania wyłonionych trzech modeli wraz z określeniem typowych ich właściwości.

Słowa kluczowe: mentalność, tradycja, semantyka, Tora, model wyniesienia

The semantics of raising of the Judaic tradition and its Russian depiction (2)

Summary: The second part of the article is the model of ten degrees-stages of the raising of the Russian tradition according to the magic fairy-tales (the motif of Ivan Tsarevich) and the model winning the superior power according to the common knowledge on the Moscow Russia and the Russian Empire. The three appointed models are compared and the features of each of the three are determined.

Keywords: mentality, tradition, semantics, Torah, the raising model

В отношении русской части задуманного сопоставления¹, трудно в ней было бы опереться на какой-то единый в своем представлении текст, такой, как для еврейской части Писание. Видимым как возможное разрешением было бы обращение к известным фактам истории, а также текстам фольклора и художественной литературы, оказавшим существенное влияние

¹ В первой части статьи, „Iudaica Russica” 2019, nr 1(2), автор, опираясь на тексте Торы (книга *Берешит*) выделяет и описывает тринадцать ступеней-этапов возвышения Йосефа как характерной и наиболее полной формы в иудейской ментальной традиции. Полученная на этой основе модель сравнивается с примерами, выбранными из Пророков (Мордохай, Даниэль), и из других текстов, в том числе литературно-художественных, а также с известными фактами еврейской истории.

на этническое сознание и, тем самым, сформировавшим и обусловившим его тот, а не иной, воспринимаемый как типичный, характер.

Сказанное, что вполне объяснимо, с одной стороны, в силу своей неподъемности, не может быть выполнено и даже солидно намечено в пределах небольшой по объему статьи. В то же время, с другой, неизбежно способно в себе содержать, как следствие названной неполноты, ту недостаточность, которую можно понять также как преднамеренную или не преднамеренную односторонность. В связи с этим, не претендуя на правильность, а тем более единственность, определяемого пути в его обобщающем разрешении, а тем самым, и на обобщение, ограничимся для иллюстрации представляющихся важными положений для избранной темы только некоторыми, пунктирно намеченными к тому же, примерами.

Оправданием подобной попытки будет служить то, что было основой и в предыдущей части — стремление вывести на основе анализа материала те признаки, которые, укладываясь в некоторую структуру, могли бы свидетельствовать, если не о закономерности получаемого образа, то, по крайней мере, его не случайности. В отношении, необходимо добавить, данного круга имеющихся представлений, сложившихся, действующих для своих носителей.

Отчасти это бы подводило и связывалось с тем, что определяют как картину мира, или модель мира (ММ), в терминологическом отражении московской балканославистики, в какой-то ее (ММ) для анализа выбранной, части. Для лучшего понимания и уточнения ММ как понятия сошлемся на характеристику, содержащуюся в работе Татьяны Цивьян. Опираясь на положения в статье *Модель мира* в мифологической энциклопедии², она отмечает следующее:

В самом общем виде ММ определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте. [...] ММ реализуется [...] как сочетание разных семиотических воплощений, ни одно из которых не является независимым: все они скоординированы между собой и образуют единую универсальную систему, которой и подчиняются³.

В приводимой в намеренном сокращении цитате для нашей задачи важными будут те положения, которые обращают

² В.Н. Топоров, *Модель мира* // С.А. Токарев (ред.), *Мифы народов мира*, Советская энциклопедия, Москва 1982, т. 2, с. 161–164.

³ Т.В. Цивьян, *Лингвистические основы балканской модели мира*, Наука, Москва 1990, с. 5.

внимание на обобщенное и синтезированное (сокращенное и упрощенное, по характеристике Владимира Топорова) отображение представлений о мире в данной традиции. А также на их системную операционность, т.е. способность, при скоординированности составляющих семантических признаков (семиотических воплощений), как осознаваемых, так и нет, воздействовать на сознание своих носителей таким образом, который можно представить как регулирующий в его ориентационных, интерпретационных, реактивных, системоценстных и поведенческих проявлениях.

Не входя в дальнейшие обобщения и уточнения сказанному, обратимся к анализу русскоязычного материала, отметив попутно лишь то, что данная понятийно-предметная область, в зависимости от избираемых исследователями подходов, понимается и характеризуется не единообразно. Топоров определяет описываемую им ММ как мифопоэтическую, в лингвистике принято говорить о так называемой наивной картине мира, в отличие от научной, хотя далеко не все соглашались с тем, что эта картина наивна, термин, тем самым, условен. Важным при этом видится отличать картину мира концептуальную от картины мира языковой, для которой первая часто рассматривается как ее основа, не полностью соотносимая с ней и не во всех отношениях покрываемая. В подобную сферу входят лингвисты-когнитивисты со своим терминологическим аппаратом, основу которого составляет понятие *концепта*, с необходимостью его изучения и описания как основы, в своих совокупностях, данного языкового сознания, не только сугубо этнического, но и каких-то других, определяемых как социум, групп, больших и меньших, как это можно себе представить.

Не вдаваясь в теоретические рассуждения, требующие обращения к работам большого числа самых разных исследователей, но концентрируясь на взятой задаче, то, о чем речь, представляется небезразличным уточнить в таком отношении. В сознании каждого представителя данной ментальной культуры (хотя, может быть, и не каждого, однако дело не в психологической подоплеке) действуют механизмы, которые регулируют его отношения и взаимодействие с миром и другими людьми. Механизмы эти в его сознании, и не только в сознании, в ощущениях, переживаниях, эмоциональных и прочих реакциях, образуются под воздействием окружения, уточняясь и дополняясь вследствие приобретаемого опыта.

Все это само собой понятно и очевидно. Подчеркнуть в этом всем, с учетом стоящей задачи, необходимым видится следующее, обратив внимание только на некоторые аспекты:

1. Составляя основу общего регулятивного впечатления (поскольку не об одних только умственных представлениях в данном случае речь), механизмы эти а) действуют и существуют как некие импульсы самого разного, в том числе и концептуально-языкового, характера (что важно для нас) и при этом б) не обязательно и далеко не всегда, при включающей их коллективно-сознательно и бессознательно понимаемой совместности, действуют сколько-нибудь равно одинаковым образом на всех и для всех, но, скорее, типологически, если не индивидуально.

2. Концептуальная (и не только) основа указанных механизмов формируется, в том числе, если не в первую очередь, в виде следствия существующих и обращающихся в данном социуме презентативных, или, еще по-другому, как более принятый термин, прецедентных⁴, текстов самой разной природы, но мировоззренческой и обучающей по своему существу.

3. Будет следовать из 2-го как предыдущего. Рассмотрение и изучение этих текстов, поворачиваемых под определенным углом, может позволить вывести названные регулятивные механизмы (стереотипами не хотелось бы их называть, входя, тем самым, в еще одну неоднозначно и многообразно в литературе определяемую область, от чего бы хотелось уйти).

4. И, наконец, приближаясь к стоящей задаче: проявить и показывать данные механизмы (термин не слишком удачный, но важно, что за этим стоит) можно в виде выводимых и определяемых для этого семантических признаков, располагаемых и выстраиваемых в какой-либо значимый ряд. Выводиться и определяться данные признаки могут из текстов, указанных как презентативные, а их (признаков) то или иное расположение, строение, структура, матрица либо модель, получаемые в синтезирующем на основе анализа результате, способны, свидетельствуя, отображать какую-то выбранную для той или

⁴ О прецедентных текстах и прецедентности см. в работах: Ю.А. Сорокин, *Психолингвистические аспекты изучения текста*, Наука, Москва 1987; Того же, *Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания* // Ю.А. Сорокин, *Язык и сознание: парадоксальная реальность*, Институт языкознания, Москва 1993, с. 98–118; Л.В. Дубовицкая, *Функции прецедентности иконических компонентов креолизованных текстов*, «Вестник Московского государственного областного университета (МГОУ)» 2012, серия «Лингвистика», № 2, с. 15–20; Н.С. Панарина, *Прецедентный текст как культурно значимая когнитивная модель*, «Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ) 2013», Проблемы языкознания и педагогики, № 8 (47), с. 94–100 и др.

иной проекции ментальную форму. Концептуально-языковую и семантическую по своему существу, поскольку из текстов выведенную и на их основе полученную. С поворотом в сторону обобщения в них содержащихся смыслов, значимых как в отношении данной мировоззренческой и культурной традиции, так и проекции выбираемой ментальной формы, отображающей и представляющей ее какую-то часть. Интерпретирующий характер получаемой таким образом схемы при этом одновременно и значим, и неизбежен.

Возвращаясь к задаче: та ментальная форма, о которой шла речь, выбираемая для представления, определила себя в заглавии как 'семантика возвышения', в сопоставлении двух концептуально-культурных систем, в том же заглавии названных. Выводилась и, для русской части теперь, выводиться будет эта ментальная форма на основе текстов, представляемых как презентативные, отражаясь в последовательности укладываемых в этапы или ряды семантических признаков, каким-то обобщенным образом обозначаемых и сопровождаемых, что виделось важным, их вписывающими в модель характеризующими обстоятельствами. Существенными при этом для определяемой ментальной формы предполагались как сами эти, приравняемые к обобщенным смыслам, этапы, так и сопровождающие их, поскольку ментально значимые, обстоятельства.

Подходя к анализу русской части, не ставя перед собой пока что задачи сопоставления, скажем несколько слов об избранном способе предлагаемого описания. Его составят более или менее известные всем представления о российской истории, не существенно, насколько правдивые и правдивые ли по существу, в необходимом для выбранной цели интерпретирующем повороте. Речь пойдет не об истории, а об имеющихся в общем сознании обобщенных и вырванных знаниях о ней. Это первое. Вторым источником будут, также выбранные в том же интерпретирующем повороте, фольклорные тексты волшебных сказок, точнее сюжеты их, более или менее известные носителям русской культурной традиции и воздействовавшие на их сознание в определенном ключе.

И, наконец, последним, еще одним, но лишь упомянутым в отношении к первому и второму, можно считать, поскольку это трудно было в столь малом объеме представить, короткие отнесения к текстам и в них мотивам художественной литературы. Точнее, скрытая память о них. Мотивам и текстам, не обязательно всем досконально известным, однако таким, в которых можно, увидев, найти отражение определяемому.

Из всего этого будет строиться схема, условно передающая семантику возвышения русского впечатления, которую далее можно будет сопоставить, не делая из этого далеко идущих обобщений и выводов, поскольку не в этом состояла задача, с полученной в первой части. Хотелось бы подчеркнуть еще раз условный и примеряющийся, ни в коей мере не регулирующий и ничего не утверждающий, характер производимого анализа, смысл и цель которого заключались в том, чтобы показать, что и как можно вывести при ориентированном на ту или иную задачу прочтении текстов, филологическом и семантизирующем по своему существу.

Применительно к тому материалу, который составит основу исторической концептуальной проекции, представляется обоснованным выделить наиболее значимые, с точки зрения этнического сознания, положения, составляющие, с одной стороны, идею становления, а с другой, повторяющихся и потому не случайных, по крайней мере, так воспринимаемых и чувствуемых, особенностей российской, абсолютистской в основе своей, государственности.

Трудно в этом аспекте было бы говорить о возвышении, в том смысле, в котором это было применено для Йосефа. При том, что такое какое-то возвышение было, достаточно вспомнить Бориса Годунова при Иване IV, Меншикова при Петре I, Бирона при Анне Иоанновне, Розумовского при Елизавете, Орлова с Потемкиным при Екатерине II и др., менее ярких на историческом фоне, распорядителей, управителей, фаворитов и приближенных, т.е. вторых при первом. Было бы это то возвышение, которое, если и оставило в памяти поколений какой-либо значимый след, то, во-первых, не положительный, осуждающе-неприятный и двусмысленный, во-вторых, воспринимаемый в отношении получения корысти и выгод лишь для себя, ничего для народа, и, в-третьих, в общем сознании и памяти не закрепившееся в виде каких-либо значимо предопределяющих этапов подобного становления, помимо, если не политических соображений, то прихоти, в том числе и любовной, со стороны представителя высшей власти. В связи с чем трудно было бы вывести закономерность, которая в поэтапных признаках подводила бы к представлению концептуальной действующей модели.

Первый круг поэтому, интерпретируемый не столько как возвышение, сколько как получение высшей власти претендентом, наследником в том числе, с опорой на восприятие связываемых с этим событий истории, будет, как следствие,

обращаться вокруг самодержцев. Открывает эту типично российскую череду представителей высшей власти фигура Ивана Грозного. С учетом стоящей задачи обратим внимание только на некоторые особенности для нее характерные. Прежде всего, на то, и это себя повторит и в дальнейшем, что к полноте самовласти и самостоятельности от боярской и патриаршей опеки (если не говорить об унижении, властном соперничестве, непризнании высшим его над собой) Иван IV приходит не сразу. Первый период его правления, скорее лишь номинального, проходит под знаком не ослабевающей угрозы утраты не только трона, но и физического уничтожения. В этом смысле он сходен с таким же начальным периодом для Людовика XIV, не сразу добившегося того положения, с которым он неизменно в общем сознании связывается как абсолютный и непререкаемый властитель.

Не будем обращаться к известным историческим фактам в пояснение сказанного, важно для нашей задачи то, что характер воцарения Ивана IV, а затем и ряда последующих верховных властителей, предполагает необходимость достигнуть власти. Собственными усилиями либо организуемой кем-то поддержкой. Первоначально власти не обязательно абсолютной. Той и в той мере, которая сделает его первым в ее несомнительной полноте обычно впоследствии. Характер подобного приближения к высшему можно определить в связи с этим как достижение. Полнота не приходит сама, ее надо, добившись, достигнуть, преодолев препятствия и сопротивления на этом пути. Претендент добивается этого, нейтрализуя соперников либо тех, кто желает им управлять, сделав его послушным орудием для достижения собственных целей. Достижение, тем самым, отмечается как *п р е о д о л е н и е*, указанного препятствия и сопротивлений.

По достижении полной власти ее следует сохранить (*у д е р ж а н и е*) и затем в столь же полном и неизменном виде передать своему наследнику (*п е р е д а ч а*). Универсальные и общеизвестные в основе своей этапы такого правления интересуют нас в том отношении, в котором можно и следует говорить о какой-то себя повторяющей русской специфике. Русской в смысле этнического сознания и ментальной культуры, а потому не российской, что было бы более уместным, имея в виду государственность.

Удержание Ивана IV отмечает себя в трех отношениях, существенных с точки зрения определяемой задачи: 1) отстранением от власти боярства, сопротивляющегося его не-

ограниченной власти (неважно в данном случае, имело ли таковое сопротивление место или это было намеренным нейтрализующим у п р а з д н е н и е м р а в н ы х себе, вплоть до их ликвидации); 2) расширением, вследствие завоевательной и колониальной политики, территории государства и, тем самым, себя самого, как властителя (э к с п а н с и я собственной в л а с т и); 3) у с т р а н е н и е м не устраивающего н а с л е д - н и к а , противящегося воле отца, не обязательно и не единственно политической (убийство старшего сына, также Ивана, т.е. сыноубийство).

Из этих особенностей следуют далее обстоятельства передачи. Прежде всего, происходит падение. Еще не упадок, но разорение и обнищание государства и власти. Падает также престиж правителя: царем будет Федор, не старший сын, известный как не способный и не стремящийся быть им. То и другое становится почвой усиливающегося кризисного положения, сопровождаемого, при отсутствии наследников Федору, боярскими распрями, а также скрытой борьбой за власть. Все это позволяет охарактеризовать передачу как понижение.

Тем самым, для разбираемой схемы, три основных, универсальных, этапа при овладении высшей властью, заключающихся в достижении, сохранении (удержании) и ее передаче, это не динамичная форма Йосефа, предполагающая не всегда предсказуемый, поскольку мобильный и изменяющийся в своих возможных этапах, характер. Форма приобретения высшей власти, поскольку это не возвышение, но о в л а д е - н и е , представляет собой этапы статичного и подготавливающего нарастания (при условии достижения цели).

Для Ивана IV эти три основных и всеобщих этапа (впрочем, не для него одного) обращаются в цепочечную последовательность п р е о д о л е н и я препятствий и сопротивлений — э к с п а н с и и непрерываемой властной воли и — конечного п о н и ж е н и я власти, ее падения. Если формула возвышения Йосефа определила себя как ступенчатая, развивающаяся отчасти с некоторым обращением по спирали с переходом на высший уровень при утрате, то в отношении овладения высшей властью Иваном IV она будет выглядеть как цепочечно-гнездовая, о чем еще будет речь при выведении завершающих общих схем.

В определенном смысле три выделенных особенности, заключающиеся в преодолении, экспансии и понижении к концу и/или впоследствии, проявляют себя и в последующем. В отношении Бориса Годунова, Василия Шуйского, Петра I (опуская не столь ярко себя проявивших либо вообще себя не проявив-

ших в тех же этапах Михаила Романова и Алексея Михайловича). И далее Екатерины II (минуя Екатерину I, Петра II, Анну Иоанновну, Ивана Антоновича, Елизавету, Петра III), в меньшей степени Павла, Александра I, но не в меньшей и выразительной Николая I.

В несколько ином отношении, без необходимости овладения, сопровождаемого преодолением и далее экспансией и понижением, следует говорить об Александрах II и III (о последнем, без овладения с преодолением, но при экспансии с понижением). Что касается убиенного Николая II, его форма подобна во многих своих отношениях форме Федора Иоанновича. Без желания и способности править, с утяжеляющим следствием деспотически правившего отца, а потому без преодоления и экспансии, но с понижением и, в конечном итоге, полной утратой, в его случае завершившейся также убийством вместе с наследником и всей семьей.

Не углубляясь в подробности, более или менее всем известные из истории (в разбираемом случае, как уже говорилось, об исторической правде, равно как и ее интерпретациях, речь не идет, но лишь о принятых к общему сведению знаниях, ибо они формируют особенности национального восприятия), остановимся очень бегло и кратко на тех обстоятельствах, которые, уточняя форму Ивана IV, могут добавить что-либо к ней от других верховных правителей.

Борис Годунов — смена наследственной власти, воспринимаемая многими также как узурпация (не был потомком Рюриковичей, а тем самым, и царского происхождения, к власти пришел не без сговоров и интриг). Преодоление Годунова сопровождается устранением младшего сына Ивана IV и действительного наследника, царевича Димитрия, экспансия — голодом, вызванным неурожаем, и утратой престижа, понижение — внешней агрессией (Дмитрий Самозванец), неожиданной смертью и убийством наследника, сына Федора.

Василий Шуйский. Преодоление и в этом случае сопровождается устранением, вначале отмеченное участием в заговоре с убийством сына Бориса (Федора), впоследствии, также организованное им, свержение и убийство Дмитрия Самозванца, занявшего к тому времени московский трон. Экспансия неудачна, попытки добиться поддержки оборачиваются против него, неизбежное понижение, в конечном итоге, приводит к падению, утрате власти и заточению.

Неоднозначная во многих смыслах фигура Петра I будет интересовать нас только в том отношении, которое позво-

лит представить указанные обстоятельства. Преодоление, озаглавленное стрельческими бунтами и их подавлением, сопровождалось, в итоге, необходимостью делить трон со старшим братом Иваном, а власть с его регентшей и сестрой царевной Софьей. Экспансия — жестокостями по отношению к бунтовщикам, насилием над недовольным боярством, казнью старшего сына царевича Алексея, сопротивлявшегося отцу, усилением общего гнета и войнами. Понижение наступает по смерти. После непродолжительного и номинального правления супруги Екатерины I, сопровождавшегося внутривластными распрями, казнокрадством и разорением государства, трон передается внуку Петру II, в период, также номинального и непродолжительного, правления которого наступает возврат к допетровским порядкам.

Если XVII век, как последствия и наследие тиранства Ивана IV, характеризуется недовольством и постоянными бунтами, то XVIII, в целом, определяют как век дворцовых переворотов и заговоров. Все императорствующие особы, за исключением Петра III, приходят к власти в их результате, нет твердой линии несомнительного престолонаследия. Преодоление Екатерины II также отягощается переворотом, убийством царствующего супруга Петра III и, в их итоге, зависимостью от заговорщиков. Экспансия — необходимостью лавирования между враждебными партиями, сменой опоры на фаворитов, устранением от правления и от себя наследника и сына, как полноправного претендента, Павла, подавлением заговоров, убийством заключенного в крепости Ивана Антоновича, провозглашенного императором во младенчестве, войной с крестьянским движением. Понижение, подготовленное казнокрадством и своеволием приближенных, так же как и для Петра I, наступает по смерти. К власти приходит нелюбимый ею сын Павел, убиенный в недолгом времени в заговоре, участие в котором приписывают его сыну Александру (I), ставшему после этого императором. И опять наступает возврат, согласно приписываемой Александру фразе: «При мне будет все, как при бабушке», задуманные и начавшиеся при Павле реформы по оздоровлению были отброшены.

Преодоление Николая I начинается с подавления заговора декабристов, сопровождаясь их казнями и ссылками. Сомнительность его права на трон подкрепляется слухами о том, что Александр I жив, а Константин, второй сын Павла, отказался от трона по не вполне понятным причинам. Экспансия связывается с усилением авторитарной власти, репрессиями, подав-

лением гражданских свобод и восстаний (1831 год в Польше, 1848–1849 гг. помощь Австрии в подавлении восстания венгров), вмешательством во внутренние дела других государств (что стало причиной Крымской войны). Понижение связывается, в первую очередь, с поражением в этой войне, показавшей как слабость, так и коррупцию его режима и созданного им аппарата.

Неслучайно закономерными составляющими разбираемого о в л а д е н и я властью в его этапах преодоления, экспансии и понижения, как в отношении отдельных представителей, начиная с Ивана IV, так и в целом, можно считать а) переход от сыноубийства (царевичи Иван, Алексей) через отцеубийство (Павел) к цареубийству (Александр II, покушения на Александра III, Николай II); б) убийства либо устранение не только престолонаследников, но и царствующих особ (царевич Димитрий, сын Годунова Федор, Василий Шуйский, Иван Антонович, Петр III, Павел); в) как следствие предыдущего заговоры, перевороты и самозванство (Дмитрий Самозванец I и II, Емельян Пугачев и др. многочисленные Петры III⁵); г) сомнительность претендента с точки зрения происхождения (не царских кровей, а потому не помазанник — Борис Годунов, Василий Шуйский, Екатерина I, не сын царя, а потому подставленный, подмененный — Петр I, считающийся не сыном царя Алексея Михайловича, а потому не Романов, и, следовательно, все потомки его, включая в тот же ряд и Павла, по известной версии, легкой в основу недавнего многосерийного фильма *Кровавая барыня*, бывшего сыном Сергея Салтыкова, а не Петра III).

Затрагивая столь важную для национального сознания и самосознания проблематику, как овладение властью с необходимостью ее удержания и последующей, не будящей сомнения, передачей, русская художественная (и не только художественная, историческая, философская, публицистическая и пр.) литература, а также кинематограф, посвящает отмеченным в предыдущем абзаце особенностям немало внимания. Достаточным будет напомнить, из наиболее известных, драматическую трилогию Алексея Константиновича Толстого (*Смерть Иоанна Грозного, Царь Федор Иоаннович, Царь Борис*),

⁵ Обращая внимание на особенности типично русских этнических представлений, авторы *Словаря русской ментальности* в отношении самозванства замечают следующее: «При общем порицании самовольных и самоуверенных поступков, к самозванцу-царю есть доверие, т.к. в народе связано это с легендой о возвращающемся избавителе, основанной на идее соперничества с властью, которая (в лице Ивана IV и далее) объявила себя богоносной» (В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности*, Златоуст, Санкт-Петербург 2014, т. 2, с. 204).

его роман *Князь Серебряный*, *Бориса Годунова* и *Капитанскую дочку* Александра Пушкина, романы Григория Данилевского *Мирович*, *Княжна Тараканова*, *Черный год* (*Пугачевщина*), его *Царевича Алексея*, романы Дмитрия Мережковского *Антихрист* (*Петр и Алексей*), *Александр I*, *14 декабря*, пьесы *Павел I*, *Царевич Алексей*, *Петра Первого* Алексея Николаевича Толстого, трехтомную эпопею Вячеслава Шишкова *Емельян Пугачев* и др. произведения разных авторов. Не говоря о таких известных картинах, как *Утро стрелецкой казни* Василия Сурикова, *Иван Грозный и сын его Иван* Ильи Репина, *Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе* Николая Ге, показывающих в наглядных к тому представлениях все то, о чем здесь говорится.

О в о з в ы ш е н и и (в отличие от овладения с опорой на знания из истории), предполагающем выводимость осознаваемой концептуальной модели для русского материала, возможным видится, в частности, говорить на основе мотивов волшебных сказок. Прежде всего, таких, наиболее известных и значимых, как многочисленные сюжеты об Иване-дураке (дурачке) и Иване-царевиче, а также разных других Иванах (Иване крестьянском сыне, Иване Быковиче, Иване королевиче, Иване Несчастном и пр.). Объединяющую особенность большого числа этих сюжетов составляет, универсальное в своем основании, поскольку не исключительно русское, представление о младшем сыне, обычно из трех сыновей у отца, как об изначально менее значимом, ничего из себя не представляющем, не подающем надежд, объекте насмешек и пренебрежения со стороны старших братьев. Обобщающе ярко все эти свойства и признаки можно найти в знаменитом *Коньке-Горбунке*, русской сказке в трех частях, Петра Ершова (1834, между 1843 и 1851).

Рассмотрим в определенной последовательности наиболее типичные и общеизвестные сюжетные ходы этой группы волшебных сказок, с тем чтобы вывести поэтапные признаки возвышения Ивана (царевича, хотя и не обязательно, но впоследствии нередко царя).

Повествование начинается традиционно с некоей недостачи или ущерба, причиняемого отцу трех сыновей (возьмем эту линию как наиболее известную), который либо болен и при смерти, либо желает что-либо чудесное, необычное и волшебное раздобыть, либо поле, сад его по ночам навещает какое-то существо (конь, жар-птица), которое топчет посевы, рвет яблоки и т.п. Подобного рода детали и уточнения для разбираемой цели не будут важны. Отец, будь то крестьянин, царь,

просто старик, не суть важно, посылает братьев на ночь караулить, чтобы узнать, кто и что производит подобные безобразия, либо отправляет их за море, в тридевятое царство, в неведомую сторону раздобыть волшебный и необычный предмет, живую воду, молодильные яблоки и т.п., либо прийти к нему на могилу с тем, чтобы каждого сына, от старшего к младшему, наградить. Все эти различия также не будут важны для нашей задачи. Отвлечемся от них, представив в указанной перед этим последовательности.

Итак, повторяясь, начинается повествование с недостачи, ущерба, отсутствия желаемого у отца, восполнение которых поручается братьям, старшему, среднему, младшему, иногда с опущением младшего как не способного, не умелого, глупого, не достойного, не вошедшего в должный возраст, объекте насмешек и общего пренебрежения. Подобные обстоятельства для нашей задачи будут представлять интерес. Обозначим это в наиболее общем виде как необходимость исполнения родительской воли, или потребность родителя, которой предшествуют жалкое, униженное положение младшего.

1. Первым, исходным, пунктом, следовательно, становится *п о н и ж е н и е*, мизератив младшего сына (*MiserMinor*) по сравнению с двумя (как правило) старшими, а поскольку о нем в дальнейшем как главном герое идет речь, то этот признак приписывается ему с опущением старших.

2. Вторым будет указанная потребностная родительская недостача, требующая восполнения (дезидератив родителя, *DesiderParent*).

3. Далее следует вызванное возникшей потребностью (2) отсылание, направление братьев для исполнения стоящей перед ними задачи в последовательности, начиная со старшего к среднему и затем, иногда с опущением, по недостойности, к младшему: делегатив старшего, среднего (младшего), *Deleg>Major>Medius (>Minor)*.

4. Старшие братья либо отказываются исполнять поручение, посылая каждый раз младшего вместо себя, либо едут, но неохотно, не по той дороге, неправильно, без соблюдения закладываемых в подобное продвижение, отмечающих знание, понимание, чувство, способности, сопровождений (не помогают животным, грубят старичку, старушке, встречаемым на пути, и т.п.). Чем обнаруживают отсутствие в них предрасположенности, неспособность, в отличие от младшего, не только к исполнению стоящей перед ними задачи, но и недостойность, негодность как таковую для предстоящего возвышения с по-

лучением награды при достоинстве младшего: (ин)дигни-тив (старшего, среднего) младшего, *(In)Dign(MajorMedius)Minor*.

На этом этапе, усиливаясь, проявляет себя то, что себя обнаружил в самом начале и что впоследствии станет еще более очевидным, определив не одно только отношение старших братьев к младшему как сопернику и как к худшему, жалкому, понижаемому, в родительских, прежде всего, глазах (*MiserMinor*). Но и желание его оттеснить, отстранить, уничтожить, заместить его и собой подменить, выдать себя за него, подставить себя в его место, не надлежащее им и им не положенное, при исполнении задачи и получении не заслуженной и не им полагающейся награды: субститут-суппозитив младшего старшим и средним, *SubstSupposMinor(<MajorMedius)*.

5. В то же самое время младший, достойным, положенным образом исполняя возложенное, отправляясь без страха по должной дороге, помогая встреченным на пути существам либо делясь с ними своим пропитанием, получает поддержку, волшебный предмет, помощника и т.п., которые пригодятся ему впоследствии при решении стоящей задачи: заслуженная поддержка младшему со стороны посредника, меритатив-медиатив, *MeritMediatMinor*.

6. Исполнение младшим отцовского поручения либо другого задания, появившегося вследствие тех или иных обстоятельств, сопровождается необходимостью трехкратного разрешения каждый раз возникающих либо ему предлагаемых, не выполнимых по своей видимости, задач, в чем ему помогают обычно посредники: трехкратное опосредующее исполнение, предшествующее основному (отцовскому), *TriplMediatOperMinor*.

7. На этом этапе младший обычно, согласно наиболее полной формуле, исполняет порученное, добывая то, что составляло смысл его основного задания: достижение цели и получение, финитный акквизитив, *FinitAcquisitMinor*.

8. Далее следует, может следовать, его возвращение и обратный путь с тем, что было получено, либо, если не возвращение, то в любом случае коварство или обман со стороны старших братьев, отмеченные тем, что уже отмечалось ранее как замещение и подмена старшими младшего, с его оттеснением, устранением, осмеянием либо убийством, *SubstSupposMinor(<MajorMedius)*.

9. Обман и подмена, вследствие участия посредников и/или проверки добытой царевны, а также возможных других обстоятельств, в конце концов, раскрываются, происхо-

дит разоблачение замещенной подмены с понижением старших, заслуженным наказанием, изгнанием их, пренебрежением к ним: индикатив мизератива старшего и среднего, *IndicMiserMajorMedius*. При восстановленном, что необходимо добавить, индикативе младшего, его действительной роли, *IndicMinor*. И тогда общая формула могла бы выглядеть как *IndicMinor(>MiserMajorMedius)*.

10. Соотносимым с предыдущим признаком следствием, с восстановлением нарушенной справедливости, становится положенное младшему возвышение, вынесение, его элатив, *ElatMinor*.

Сопоставление выведенного на основе Торы возвышения Йосефа в тринадцать получившихся как поэтапные признаках с десятью возвышениями Ивана (царевича и затем царя), не говоря об этапах овладения высшей властью, выявивших себя в своей закономерности на основе российской истории, подводит, в первую очередь, к мысли, при некотором видимо универсальном сходстве, о расхождении. Как в самих получаемых этапах, с точки зрения их роли и смысла, так и в сопровождающих их обстоятельствах.

При сходстве общей и регулирующей мысли о возвышении как получении и приобретении отмеченного и выделяющего достоинства, близкого к высшему, если не высшего, заслуженного и соответствующего качествам получающего, что раскрывает себя не сразу; при получении и приобретении как награды, венчающей предшествующие сложные состояния и переходы, подводящие к утратам, потерям, вплоть до угрозы жизни, а также при воплощающей роли отца и братьев как своего родового, — все остальное трудно было бы к совпадениям подводить. Те же роли отца и братьев, при их неизменном участии, выглядят вовсе не идентично. Так же как и отмеченность, если не по рождению, то по отношению со стороны отца, с этим связанная и через отделенность и обособленность, не похожесть на братьев и, тем самым, на свое родовое в своем поколении, действующая и для Йосефа, и для Ивана, в общем-то, в равной мере, хотя для Ивана менее явно, выглядят далеко не подобным образом.

Первое и едва ли не основное отличие, которое требует выявления, заключается (так это можно определять) в интенциональной и мотивирующей стороне, направляющей, объясняющей и поддерживающей возвышение. Если Йосеф в своем возвышении (так же как Мордохай, Даниэль, а также затем исторические и художественные персонажи, как упомянутые,

так и нет), первоначально пусть не осознанно, но ведомый к этому, действует не для себя и не ради себя, не ради своего возвышения, хотя и заслуженного, выступая орудием, средством спасения своего народа, от голодной смерти, от истребления и т.п., то в отношении Ивана (царевича) ничего такого сказать нельзя.

Его возвышение не орудийное, а отмечающее и награждающее. Того, кто заслуживает его не по внешности, а по внутреннему своему существу. И одновременно вместе с тем восстанавливающее или, может быть, что скорее, устанавливающее — нарушаемое людьми равновесие, справедливость, в основе которой лежит представление о правильности и соответствии, с наказанием тех, кто ее преступает, и награждением тех, кто достоин. В связи с этим, с одной стороны, оно может выглядеть как возвышение для себя и ради себя, однако личный и субъективный акцент в данном случае действует как демонстрация, показ на примере, того, что за этим невидимо, скрыто стоит, ибо речь здесь идет об организующем родовое и социум высшем начале, хотя напрямую и не представляемом.

В этом месте мы неизбежно подходим к проявленной в возвышении Йосефа и далее всех остальных для той же традиции мотивирующей его (возвышение) стороне и не проявленной либо не прямо и через включения чего-то другого проявленной в возвышении Ивана. Для первого таким мотивирующим, направляющим, организующим, регулирующим, а также поддерживающим и наблюдающим центром происходящего является Бог, Всевышний. С учетом прямо себя воплощающего и объявляемого иудейского монотеизма. Даже в тех случаях, исторических и отраженных в художественной литературе, когда об этом может не говориться, оно неизменно в своем поучении и трактовке будет иметься в виду. Ибо ничто для еврея, рожденного и остающегося им, не может себя проявить без Него, а тем более при возвышении, изначально предполагающем спасение народа либо облегчение его положения.

Что касается возвышения Ивана, скрытые, а нередко и явные проявления участия, если не высших, то потусторонних, невидимых и, тем самым, также и регулирующих земное существование сил, в нем также находят свое отражение. Однако и действие их, равно как и взаимодействие с ними, и обращение к ним со стороны персонажа, а также других персонажей, имеют иной характер. Исходно и по своему существу. С одной стороны, не осознанный либо прямо не объявляемый, а с другой, неопределенно размытый. Неясно, в конечном итоге, кто

или что за всем этим стоит, который или которое определенный образом действует и дает, но далеко не всегда направляет, хотя и поддерживает.

В данном случае можно отметить мотив не столько проверки и испытания, сколько предоставления самому себе для избранника — получится, выйдет, значит, получится, нет, так нет. Поскольку, коль скоро речь о поддержке, те же помощники, будь то ворон, серый волк, старичок-лесовичок, старушка, баба-яга (в ряде случаев), царевна, наделенная магическим даром, конек-горбунок, сивко-бурко и пр., это только помощники, в которых и через которых себя проявляет нечто другое, скрыто за ними стоящее. То, что (в данном случае 'что', а не 'кто'), но не по неведению, а по не выявлению, по сокрытию тайного, *sacrum*, в текстах сказок и не только сказок не может себя объявлять. Действует это сокрытое и не объявляемое внутренне, как организующее, устраивающее, регулирующее и направляющее начало, входя в этот мир, но при этом не вмешиваясь и не исправляя его. Из другого мира, можно бы было сказать, но это было бы не совсем верно, скорее, из какого-то вне всего и всеобщего принципа, как закона существования и с ним бытия. Действует и показывает себя это скрытое через видимых внешне посредников, не людей или только по виду людей, находя себя также в Иване. В том, каков он в человеческих свойствах своих, равно как и в том, кем он, исходя из таких его, согласуемых с сокрытым в нем, свойств, может, способен стать, поскольку, во исправление несправедливостей этого мира, заслуживает.

Говоря об отличиях далее, необходимо коснуться идеи братнего неприятия, а с этим по-разному себя объявляющего соперничества и скрытой либо не скрытой зависти, пренебрежения и вражды (скрытость либо не скрытость всего того особого значения не имеют). Для Йосефа неприятие братьями вызвано не только и даже не столько особой любовью к нему отца, выделяющей его и отделяющей от других (с этим связана зависть), сколько его к ним отношением и исключаящим братское расположение поведением. В этом смысле ответное отношение к нему с их стороны, и отсюда его положение, можно видеть как человеческим образом объяснимое и вполне мотивированное. Так же как и их покаяние и просьбы простить их в конце, что Йосеф принимает не на свой личный счет, но, опять же сознательно, мотивирует неизбежностью и своим назначением.

Для Ивана неприятие вплоть до презрения и унижения братьями объясняются просто тем, что он младший, и тем, что дурак (каковым они его склонны видеть и представлять,

с учетом его, не вписывающихся в их собственные, не эгоистических, скажем так, и бескорыстных свойств). Далее себя проявляет не столько зависть, поскольку они, считая себя достойнее и выше, не ставят его ни во что, сколько соперничество, сопровождаемое желанием оттеснить, отобрать им полученное, а его самого уничтожить. Из чего будет следовать, также в основе своей человеческое, но менее, чем в отношении Йосефа, значимо обоснованное, представление о личном своем превосходстве, о силе, уме, способности уклоняться, искать себе выгод и их находить, а также нравиться, подстраиваясь и приспособливаясь к ожиданиям, прежде всего, родителя. О своей, в результате, вышести по сравнению с младшим братом своим, недостойным и неполноценным, с их точки зрения, понимаемой ими как социально общая.

Опустим теперь дальнейшие уточнения и расхождения, которые можно увидеть, опираясь на представленный материал. Подытоживая, можно только сказать, что при возвышении Йосефа и далее Мордохая, Даниэила и остальных действуют законы и правила Высшего установления и назначения избираемого к возвышению, на основе двух, фактически, взаимосвязанных и взаимно направленных в нем, в избираемом, регуляций. Преданности его Всевышнему. Преданности в смысле способности и устремления полагаться во всем на Него, безгранично веря в Его силу и справедливость, с одной стороны. И своего посвящения, с другой. Посвящения себя и собой достигнутого ради спасения и благополучия своего народа и своего родового, что подчеркивается и на что непременно внимание обращается. Не только в Торе, но и в других источниках.

В то время как при возвышении Йосефа действуют две показанные в своей основе тенденции, для возвышения Ивана, а также в идее овладения высшей властью для русского материала чего-то подобного мы не найдем. Если не брать во внимание, пропагандистские в своей основе, (ультра)патриотические, а потому и не свойственные традиционному восприятию и представлению, тексты не только советского времени на сюжеты российской истории, включая сюда, для советского времени, и кинофильмы. Независимо от качества и художественных достоинств подобные проявления трудно было бы как экспликации представлений традиционного, а потому и исходно свойственного, воспринимать. Этническое, в основе своей, концептуальной и чувственной (не говоря здесь о вере, в бытие и небытие, земное и высшее, видимое и невидимое, посястороннее и потустороннее), оказывается не связанным

с тем, что представляется далее как национальное, наслаиваясь, скорее, на нечто универсальное, а нередко и искажая его. Поскольку, как представляется, сюжеты волшебных сказок об Иване (царевиче и не только), равно как и организующие моменты российской истории, о которых шла речь, вряд ли можно рассматривать как специфически и исключительно русский в основе своей материал, не свойственный также и в той же мере другим народам.

Представленные этапы в их семантических признаках, заслуженное и не заслуженное обращение родителя к сыновьям, переход от субъективного понижения в начале младшего к объективному понижению старших братьев в конце, сочетание видимого и невидимого, человеческого и нечеловеческого, внешнего и внутреннего, реального, но не действительного, с нереальным действительным, справедливого и несправедливого, а также замещение и подмена, зависть, соперничество, оттеснение, уничтожение, братоубийство, сыноубийство, отцеубийство, цареубийство, сомнительность происхождения обладателя высшей власти, прежде всего, по отцу, самозванство и связанная с ним узурпация, — все это вряд ли можно считать исключительным достоянием русских этнических представлений, а с ними или без них соответствующим концептуальным образом интерпретируемых фактов истории.

Закончить сказанное, по причине небольшого объема только затронутое, кратко описанное и недосказанное в силу его неподъемности и широты, можно было бы, для большей и сопоставимой наглядности, двумя (тремя) схемами, представляющими по точкам этапы того и другого пути к возвышению (овладению властью в последнем случае).

Схема 1. Этапы возвышения Йосефа

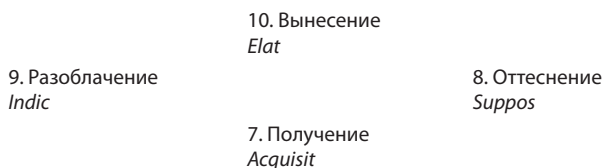
	13. <i>Gdula</i> 'величие'	
11. <i>Bgadim</i> 'одежды'		12. <i>Shem</i> 'имя'
	10. <i>Hatsagat</i> 'выдвижение'	
9. <i>Jerida</i> 'упадок'		8. <i>Khesed</i> 'благодетение'
	7. <i>Shehut-El</i> 'Пребывание'	
5. <i>Nefila</i> 'падение'		6. <i>Nituk</i> 'отрыв'
	4. <i>Kera</i> 'разрыв'	
3. <i>Patuah</i> 'открытый'		2. <i>Nifrad</i> 'отделенный'
	1. <i>Siman</i> 'знак'	
Внешнее		Внутреннее

Не претендуя на обобщение и только попутно можно бы было заметить, что, видимо, не случайно получившееся число этапов возвышения Йосефа совпало с числом тринадцати атрибутов (Господа) и таким же числом лепестков розы Израиля, а некоторые из признаков совпадают, если не по названию, то по смыслу с названиями сфирот: «Хесед [*Khesed*] (милость), она же Гдула́ [*Gdula*] (величие) — четвертая *сфипа*, которая олицетворяет собой любовь и рост»⁶. Бина(понимание), соотносимая по своему смыслу отчасти с *Patuah* 'открытый', а также Тиферет (красота), олицетворяющая собой гармонию, истину и сострадание, Нецах (вечность) — способность к преодолению, Год — упорство и выдержку, Малхут (царство), прямо либо косвенно нашедшие свое отражение при возвышении Йосефа. Соотношение смыслов при их воплощении в проявлениях праотцев народа Израиля, отмечаемых в Торе, со смыслом отдельных сфирот, при условии многозначной сложности этих последних, могло бы стать объектом отдельного рассмотрения. Для тех, что необходимо добавить, в первую очередь, кто досконально знаком с предметом того и другого.

Что касается упомянутой розы о тринадцати лепестках, не вдаваясь в подробности и обобщения, ограничимся пояснением, приводимым в цитированном перед этим источнике:

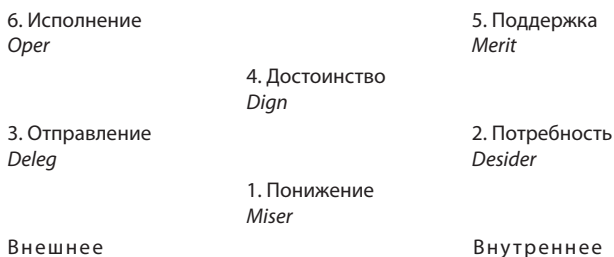
«Как роза среди колючек, любимая моя среди девушек» (Песнь Песней, 2:2). Кто эта роза? Это Кнесет Исраэль, народ Израиля. Ибо подобно розе в низших мирах существует и роза в мирах высших. И как роза среди колючек, цвет которого — смешение красного и белого [ср. разноцветные, а точнее, полосатые (*pasim*) одежды Йосефа, сделанные ему отцом — П.Ч.], так и Кнесет Исраэль сочетает в себе и суд, и милость. И подобно тринадцати лепесткам розы, окружают и защищают Кнесет Исраэль тринадцать атрибутов милосердия. [...] Начальные строки книги Зогар⁷

Схема 2. Этапы возвышения Ивана (царевича)

⁶ А. Штайнзальц, *Роза о тринадцати лепестках*. Перевод с английского Ш. Розеноера. Иерусалим—Москва—Рига, 1990, с. 54.

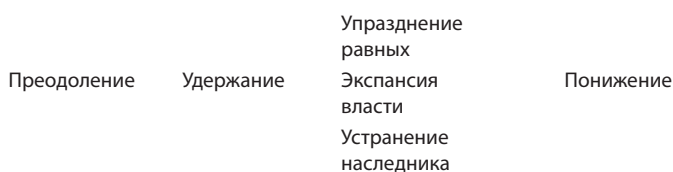
⁷ Там же, с. 7.

Как и в предыдущей схеме, Йосефа, следует обратить внимание на соотношение того, что было обозначено в нижней строке как Внешнее и Внутреннее. Соотносимые между собой, дополняемые взаимно и развиваемые, они могут, с одной стороны, отражать как последовательность, так и одновременность. При этом, если в отношении этапов возвышения Ивана, это, скорее, последовательность, отражаемая в порядке составляемых чисел, то для Йосефа это может быть и последовательность, и одновременность, а в ряде случаев также обратность. И тогда числа (Йосефа, в отличие от чисел Ивана) имеют характер не столько порядковый, сколько логический и условный. Так же как и движение в самой схеме, от внутреннего к внешнему и в обратную сторону имеет своего рода качающийся характер, что передано с помощью цифр: справа налево (2 – 3), затем слева направо (5 – 6), снова справа налево (8 – 9) и, наконец, слева направо (11 – 12) к вершине (13). Порядок этот выводился из текста и представляет потому не случайным, хотя рассмотрение его не входило в задачу.

Что касается представления о том, что было названо Внешним и Внутренним, его следует понимать также несколько шире. В известном смысле эти обозначения условны. Внешним может быть то, что себя объявляет как видимое, но не всегда, а Внутренним — как его подготавливающее и/или скрытое, заложенное в какое-то последующее проявление и/или действие. Равно как и что-то еще. Рассмотрение того и другого, к тому же в соотношениях и вероятных связях, потребовало бы объяснений для каждого случая с опорой на материал, в отношении этапов Ивана к тому же весьма разнородный, поэтому мы лишь обозначили данные проявления, не входя в уточнения, представляющие значение и имеющие самостоятельный смысл.

Схема 3. Этапы овладения высшей властью

Данную схему, равно как и стоящий за ней материал, не обобщая и не представляя как что-либо однозначно единое, поскольку речь в ней идет о большом огрублении, стоит рассматривать лишь как попытку представить в несколько обусловленном и искусственном (но не искажающем) виде одну из моделей, себя повторяющую, возможно, не только в российской истории. Собственно говоря, не истории как таковой, но имеющихся в общем сознании сложившихся представлений о ней, в свою очередь, не единственных и не обязательно верных (впрочем, на это уже обращалось внимание).

Цель подобного отображения состояла в показе возможности такого подхода, без претензии на основательность. Это был бы своего рода купирующий, концентрированно ужимающий смыслы взгляд и такое же отстраненно отвлеченное отношение к явлениям и фактам, как, скажем, в анекдотах на исторические и политические темы. К явлениям и фактам истории, отраженным и претворенным общим сознанием на основе каких-то более или менее общепринятых сведений, а точнее, их вероятных версий и потому не всегда соответствующих реальному положению вещей и, тем самым, действительности. Однако, как уже отмечалось, не о действительном положении вещей, а о самих этих версиях речь, концептуально заряженных и нередко эмоционально ориентированных, поскольку они отражают не то, что есть, а то, что об этом думают либо принято думать.

И это было бы с одной стороны. С другой, цель подобного представления заключалась в том, чтобы иметь возможность соотносить, опять лишь концептуально, в условно-логическом отражении, то, что касалось семантики возвышения (на примере моделей Йосефа и Ивана), с тем, что таковым по своему существу не является, хотя может восприниматься сознанием как нечто похожее. То, что было определено для отличия, а потому и условно, как семантика 'овладения высшей властью' (применительно к русским царям и затем императорам). Одним из действующих механизмов такого отличия, и это нашло

свое воплощение в схемах, помимо меньшего числа составляющих признаков (также условно, поскольку не отражает это этническое сознание), было бы не ступенчатое, с возвращением (у первого) либо без (у второго), для перехода от низшего к высшему до верховного возвышения, а последовательно-цепочечное разворачивание. От одного к последующему и другому затем этапу, не обязательно именно и только такому, но логикой не случайного поведения правителя обычно закладываемому.